

Якопо Саннадзаро

Аркадия

Волынке

Засим заканчиваются хлопоты твои, о сельская и незатейливая моя волынка, достойная по безыскусности своей звучать в руках блаженного, пусть и малосведущего пастушка, яко аз несмь. Недолго были заняты уста и руки мои оным благоугодным ремеслом, ныне же волею судеб и безмолвием своим обрекаешь ты их, быть может, на вечный покой. Я же, хоть и не ропщу на долю сию, прежде чем учёными речами сумел в нужной мере выразить твоё совершенство, волею злого случая, отнявшего тебя от уст моих, открыл миру плоды твоих стараний во всей их бесхитростной красе, годные скорее ублажать овецек в полях, нежели искущённых мужей в городах; подобно тому, кто, устав от разбойных ночных набегов на сады свои, срывает, осердясь, незрелые плоды с тяжелеющих ветвей; или же жестокому крестьянину, спешащему вынуть бесперых ещё птенцов из гнёзд на высоких деревьях, дабы змеи да пастухи не потревожили их. Посему заклинаю тебя и, елико возможно, остерегаю: довольствуйся дикарством своим и оставайся в сих местах уединенных.

Не должно тебе искать ни чертогов царских, ни площадей шумного града, ни рукоплесканий толпы, ни презренных мирских почестей, ни суетной славы, ни льстивых похвал, ни лживых соблазнов, ни откровенного и глупого угодничества лукавой черни. Не пристало твоим скромным напевам тягаться с громоподобными фанфарами и королевскими трубами. Довольно с тебя и того, что от уст пастухов в горах заводишь ты песнь, а ветры вторят сим звукам, разнося по лесам имя владычицы твоих дум, и горько оплакивают с тобой её внезапную кончину — причину моих неиссякаемых слёз и безрадостного и безутешного существования, что я влачу и что едва ли может зваться жизнью, погребённый заживо в склепе своих невзгод.

Так плачь же, несчастная, рыдай, ты права в своей кручине. Плачь, скорбящая вдовушка; плачь, горемычная и охаянная волынка, лишили тебя твоего небом подаренного сокровища. Да не смолкнет плач твой и стенания о сих горестных мытарствах, пока хоть один из твоих стебельков остаётся в этих лесах; да обретут голос в твоём плаче все те, кто в унисон с тобою рыдает и сокрушается. А коли захочет какой пастушок сыграть на тебе в минуту радости, открой ему прежде, что создана ты лишь для плача и стона, а вслед за сим яви на деле, что истинно такова твоя натура, рождая от дыхания его сплошь скорбные и горестные звуки; и, испугавшись омрачить

веселье, он оставит тебя, вернёт на твоё место, на дерево сие, где ныне я с сокрушением в сердце и неиссякаемым потоком слёз оставляю тебя в память о той, что побудила меня поведать всё изложенное выше и чья внезапная кончина лишила меня сил писать, а тебя — звучать.

Нет больше наших Муз, завяли наши лавры, низвержен наш Парнас, онемели рощи, холмы и доли оглушены горем. Нет больше в лесах ни нимф, ни сатиров, пастухи растеряли свои песни, стада разбрелись по лугам в поисках пищи и дерзают осквернять незамутнённые источники нечистыми ногами, а видя, что и молока недостаёт, не обременяют себя боле выкармливанием детёнышей. Равно как и дикие звери оставили обжитые норы, птицы бросили насиженные гнёзда, а твёрдокожие и бездушные деревья скинули наземь плоды свои, не дожидаясь их зрелости; и враз поникли нежные цветы на опечаленных полях. Обездоленные пчёлы бросили погибать в сотах недоделанный нектар. Всё вокруг потеряло смысл, и нет больше ни отрады, ни утешения.

Не осталось тебе, моя волынка, ничего кроме боли, кроме безустанной неутихающей скорби. Так тоскуй же, безутешная; всем существом своим скорби и жалуйся на ненасытность смерти, бесчувственность небес, на непреклонность звёзд и жалкий жребий свой. А коли ветер пробежится по ветвям и ненароком вдохнёт в тебя жизнь, не издавай ты звуков кроме крика, но кричи и плачь покуда хватит сил.

И не тревожься, ежели кто, привыкший к иной, изысканной музыке, презрительно скривится, заслышав безыскусный голос твой, и назовёт тебя дикаркой грубой — сие есть поистине величайшая хвала тебе, ибо с холмами и лугами ты слита нераздельно. Также известно мне, что в досталь будет и зорких наблюдателей, тщательно взвесивших слова твои и порешивших, что инде попираются законы сельской жизни и не подобает созданным для пастушьей доли выходить за означенные пределы. Оным ответствуй, признавая простодушно вину свою, что ведь и пахарю, наторевшему в своём ремесле, не под силу поручиться, что всегда будет он вести свой плуг прямо и никогда не скривит борозды. И да послужит тебе оправданием то, что твои ноты первыми разбудили дремлющие рощи и подсказали пастухам давно забытые напевы. Тем паче что создавший тебя из сих стебельков прибыл в Аркадию не неотёсанным пастушком, а учёным юношей, хоть и явился он на земли сии безвестным пилигримом, влекомым любовью. Ибо и в былые времена сыскивались удалые пастухи, что и перед римскими властителями не робели являть умение своё; в тени сих бравых мужей и ты, волынка моя, найдёшь прибежище и не убоишься правость свою отстояти.

А ежели иная тебе выпадет участь и благосклонно встретят песнь твою, с приязнью ей внимая, и инда проронят над ней благодушную слезу, сей же час вознеси молитвы истовые за внимающих тебе, дабы уберёг Господь их от всякого лиха и отдалил бы от них мытарства наши. Ибо воистину тот томим чужими горестями, кто сам испил их сполна. Но не чаю, что будет сих мужей боле, нежели белых ворон, меж тем куда больше встретишь ты недругов злобствующих, коим несть числа. Не ведаю я, чем вооружить тебя супротив оных опричь вящего смирения и долготерпения, дабы сносила ты их пощёки без ропота, о чём всем сердцем тебя молю. Хоть и убеждён я, что нужды в оном у тебя не возникнет, коли ты в сих лесах, как заклинаю тебя, присно пребудешь, под их сокровенной сенью, без притязаний на мирскую славу. Ибо кто не возносится, тот не страшится упасть, а кому случится пасть на ровном месте, что редко бывает, тот самосильно поднимется и останется невредим. Посему истинно говорю тебе: тот живёт привольней, кто от суетного мира дале и укрыт паче; и тот из смертных первее блажен, кто о лаврах чужих не грезит и смиренно довольствуется участью своей.

Пер.: Ольга Валерьевна Комарова